

Николай Сергеевич ТИМАШЕВ родился в Петербурге в 1886 году. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1921 году бежал в Финляндию. В 1923 году — он профессор русского юридического факультета в Праге, с 1928-го — профессор славянского института в Париже. Занимался социологией. В 1936 году стал читать лекции по социологии в Гарвардском университете, в 1940 году перешел в Фордэмский университет в Нью-Йорке, где преподавал до 1957 года. Н.С. Тимашев — автор шестнадцати книг на русском, немецком и английском языках; в их числе «Религия в Советской России» и «Великое отступление». Предлагаем нашим читателям его критическую статью «Поднятая целина», опубликованную в парижской газете «Возрождение» (Париж, 3 ноября 1932). На наш взгляд, многие оценки известного романа М.А. Шолохова справедливы и актуальны по сей день.

Кн. обозрение. — 1994. — 24 июня. — с. 12. Владимир ЛЕВЧЕНКО

Наши помыслы прикованы к родине: мы хотим разумом понять, сердцем почувствовать ее страдания — и не можем. Мы знаем многое, но не постигаем главного — что стало с душой русских людей под непрерывным нажимом бездумной машины, из русских же людей сложившейся и принявшей наименование коммунистической партии?

Где, как не в литературе, искать ответа?

В талантливом художественном произведении, иногда в нескольких строках его, нашему умственному взору подчас раскрывается больше, нежели в целой библиотеке ученых трудов. Но тут — новое препятствие: машиной придавлена и литература, в звено машины обращена творческая энергия наших писателей.

Неугасим дух человеческий. Быть ему под спудом — таков строгий приказ; а он все же пробивается сквозь незримые щели и, как языки пламени, устремляется к свободе. Пусть неполноценно то, что сейчас выходит в советской России, пусть бывает искажен авторский замысел боязливой оглядкой на коммунистического цензора или даже затмением духа коммунистической пропаганды; все же подлинный талант даст себя знать и яркими бликами вдруг осветит перед нашими изумленными глазами туманные горизонты.

Таков и роман Шолохова «Поднятая целина», печатающийся по главам в одном из сов. журналов и в вышедших частях уже переизданный в эмиграции. Строгий литературный критик укажет в нем множество недостатков, начиная от искусственной завязки и кончая надуманностью многих характеров, введенных автором как будто для того, чтобы заполнить предуказанную схему, дать полный набор фигур в той шахматной партии, в какую, в воображении твердолобых кремлевских владык, выливается жизнь.

Пусть все это так. Все же читателя подкупает живость, с какой схвачен и воспроизведен быт, а главное — перед ним раскрывается волнующая тайна; как бы живые, проходят образы тех рядовых, ничем не выделяющихся людей, которые то входят в машину, дробящую Россию, то подвергаются ее ударам. Автору удалось — как это ни парадоксально — облечь плотью и кровью те фигуры, ввести в игру (которых?) он был обязан; даже для многих условных типов сумел найти живое выражение. С книгой Шолохова переносишься в порабощенную Россию, и начинаешь и понимать и ощущать то, что там было, да и теперь есть.

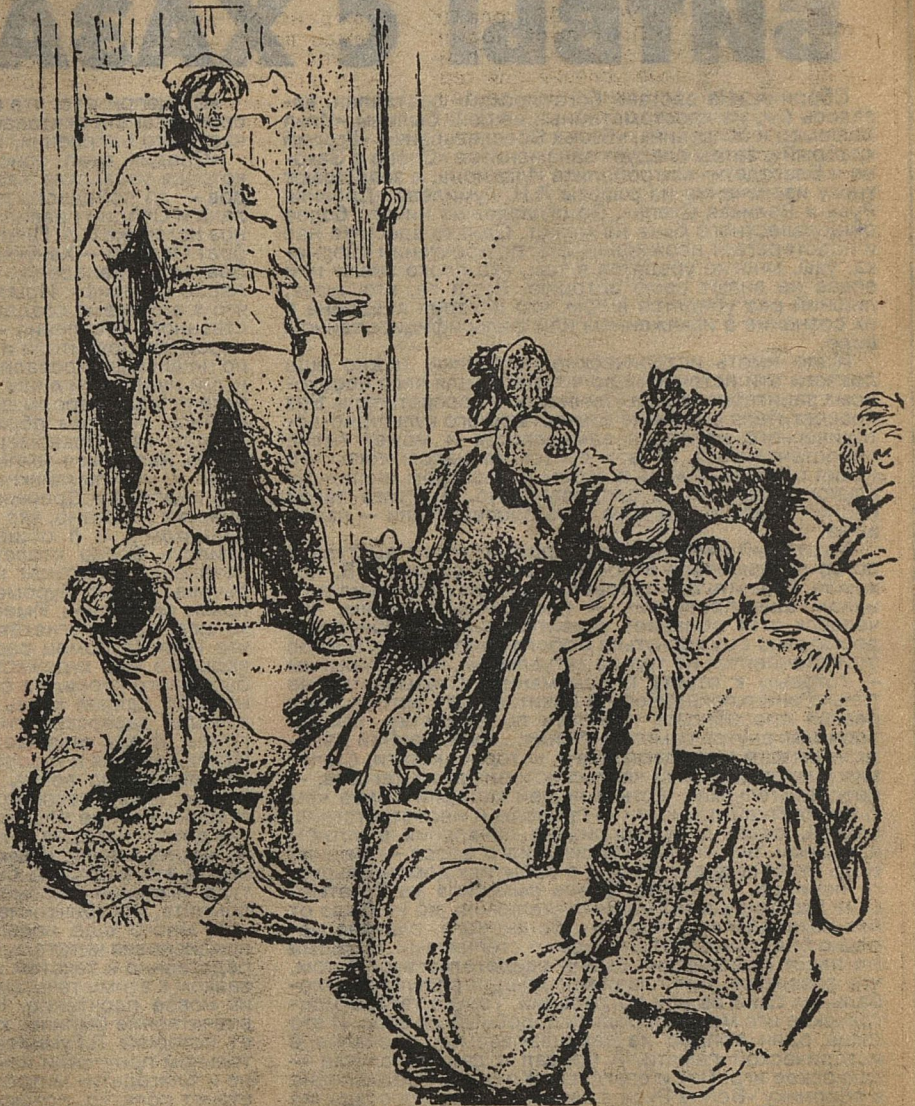
«Поднятая целина» — роман, описывающий один из самых страшных эпизодов русской революционной трагедии, ту «сплошную коллективизацию», сопровождавшуюся пресловутым «раскулачиванием», которая была пущена в ход по слову Сталина, сказанному на конференции аграрников-марксистов 29 декабря 1929 года, и пошла на убыль после пресловутой сталинской же статьи «Головокружение от успехов», появившейся 2 марта 1930 г. Роман идет и дальше — в появившихся главах упоминается о 20-х числах марта (впрочем, весть об отступлении тогда только что докатилась до глухого Гремячего Лога, где происходит действие). Роман может захватить и более позднее время, но это уже будет рассказ о том, как спадала волна: жуткий подъем ее описан, а второго подобного пока что не было. Не лучше, конечно, стало жить на Руси за последние два года, и даже несомненно хуже, но то что теперь терзает Россию, это не острая до нестерпимости боль «Второй аграрной революции», снявшей с места и забросившей за Полярный круг, если не прямо в могилу, несколько сот тысяч крестьян, обозванных кулаками, а мучительная по непрерывности череда более мелких уколов. Это — новая фаза, тема для нового бытового романа...

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Я не собираюсь ни рассказывать фабулы «Поднятой целины», занимательной, несмотря на слишком прозрачную искусственность (в Гремячий Лог одновременно приезжают офицер-белогвардеец, чтобы поднять его на восстание, и «двадцатитысячник», рабочий с Путиловского завода, присланный, чтобы делать коллективизацию), ни давать характеристику действующих лиц.

Хочу отметить одно: те потрясающие сцены раскулачивания, которые вместе со сценой «бабьего бунта» образуют как бы кульминационные пункты шолоховской эпопеи, — списаны прямо с натуры. В январе подобные сцены, описанные, конечно, сухим языком, рассказывались не без сочувствия, объяснялись как проявление здорового творческого коммунистического энтузиазма; в марте и апреле того же года, после статьи Сталина, такие же сцены подавались как примеры возмутительного головотяпства «левых загибщиков». Эта крупная перемена оценок очень ярко изображена в романе Шолохова, равно как мучительное недоумение, вызванное ею в душах тех, кто сплошную коллективизацию принял как последнее слово, непосредственно ведущее в коммунистический рай. В этих частях «Поднятая целина» — отличный литературный репортаж.

При чтении книги невольно возникает вопрос: кто ее автор, подлинный приверженец Сталина и его режима или скрытый враг, только надевший личину друга? Звериный быт, живописуемый в романе, так ужасен, в такой мере возмущает элементарные человеческие чувства (характерно, что по ходу романа подобные ощущения испытывают и некоторые его герои, хотя

и играющие роль «строителей новой жизни», что само собой навязывается решение — автор в душе «белый», сумевший гениально загримироваться «красным».

Думаю, что это не так. Да, предельной жестокостью веет от отдельных эпизодов «классовой борьбы» в Гремячем Логу. Но разве «буль жесток» не входит в подлинный канон коммуниста? Разве можно стать коммунистом, не вырвав из сердца жалость и сострадание? Я не говорю, чтобы автор показал себя лишенным этих чувств. Но с точки зрения коммунистического правоверия, безмерная жестокость — не порок, и автор, приписывая ее своим «положительным типам» (хотя и не всем), отнюдь не унижает в глазах правоверных ни своих героев, ни их дела.

К тому же у него есть спасительная лазейка: бессердечие, притом бесцельное, проявляют местные «головотяпы», а там, далеко в Москве, бдит Сталин (есть в романе посвященное тому лирическое отступление), который в решающий момент вмешивается в ход событий и притом так удачно, что предотвращает готовящееся разразиться восстание. Осадив головотяпов, он становится, по роману, едва ли не «царем-батюшкой» народных чаяний и разрушает одним мановением перста местных служилых людей.

Но, скажут, это говорится только для отвода глаз. Это могло бы быть. Решающим против такой догадки мне кажутся два соображения.

Во-первых, облик выведенных в романе «белых». Их два: один — мрачный фанатик, жестокий и бесчеловечный, не менее своих врагов, но, главное, говорящий так, как будто он наперед услышал речи Крыленки на вредительских процессах; кажется, не хватает только ссылки на знаменитый «Торгпром». Другой — пакостный развратник (кстати сказать — коммунисты рисуются чуть ли не аскетами), скверный пьяница. Их образы во всем отличаются от остальных, вовсе не жизненны; да и плохо рекомендует автор ГПУ, позволяя этим «белогвардейцам» вытворять то, что им приходится по роману делать. Введены они в фабулу со специальной целью: показать, что народ был готов подняться в дни раскулачивания единственно по наущению белогвардейцев, а отнюдь не по собственному почину.

Во-вторых, характеры коммунистических героев. Посмотрите на них: это сплошь — жертвы «ужасов царизма», и воспоминания об этих ужасах в романе повторяют нелепые басни, пущенные за границей в дореволюционной России нашей начальной памяти первой эмиграцией и ныне поддерживаемая в России коммунистами.

Всего этого не написал бы притаившийся «белогвардеец», тем более, что по ходу романа без этого можно было бы легко обойтись. Нет, если Шолохов и не стопроцентный сталинистский молодец, то красным духом заражен сильно и коммунистическому заметно поддался, хотя с этим, неисповедимыми путями, сочеталась — вот оно чудо неугасимой свободы духа! — способность вспыхивать ярким пламенем и создавать до жути правдивые картины.

Мешает ли «красный плен», в котором пребывает автор, ценности романа как живого свидетельства об одном из самых потрясающих эпизодов русской трагедии? Отнюдь нет. Пожалуй, особенно ценно именно свидетельство, вышедшее из-под пера писателя, принимающего в известной мере «генеральную линию». Ибо тут уже не приходится задаваться вопросом — да не сгустил ли красок автор, в душе так же ненавидящий большевиков, как мы, его зарубежные читатели?

Свидетельствую это тем значительнее, что касается не только той бросающейся в глаза трагедии, какой было раскулачивание, но и той менее явной, но в сущности не менее страшной, какой была — и есть — попытка переустроить хозяйство и быт тысяч людей (а из тысяч складываются миллионы!), имея в качестве единственных дирижеров — мастера с Путиловского завода да «практического хозяина», которого, вероятно, за «двурушничество» в еще не напечатанной части романа упекут, заодно с кулаками, под Полярный круг. Любопытная подробность: на всем протяжении романа, темой которого является переустройство сельского хозяйства, агроном показывается только один раз, да и то в качестве лица без речей, в составе «антиколонны»!

И это безумие надвинулось на донскую станицу (и так же, как на нее — на всю страну) без всякого разумного основания, как неумолимый рок! Нужно произвести сплошную коллективизацию, дабы построить социализм, — таков беспомощный аргумент, который автор влагает в уста своим излюбленным героям.

Ни в одной книге так, как в романе Шолохова, не раскрыт роковой, подлинно трагический характер «социалистического переустройства деревни», за избавление от которого борется сейчас изнемогающий русский народ. И потому этот роман прочтет всякий, не только как занимательное чтение, но и как своего рода откровение, ответ на неразрешимые одним разумом вопросы, ставимые нам происходящим в России.

Н.С. ТИМАШЕВ